

Кто я: человек, наблюдающий за границами

(на конкурс “Свобода и социальная самоидентификация”)

Ольга Дячук

Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки

(СНУ ім. Лесі Українки)

Часть 1. До самоидентификации

“Пересадить свою доброту в душу ребёнка — это операция столь же редкая, как сто лет назад пересадка сердца.”

Стругацкие, “Сорок лет спустя или Отягощенные Злом”.

Спасибо, это очень приятно, что обо мне, человеке робком, но уникальном, не забывают. В последний раз меня так спрашивали в детском саду, на утреннике: “А кто это здесь такой?” А я смотрел на маму и был такой самый высокий, как молодое дерево. Остальные детки также были благовоспитанными элементами, возвращенным точно по Бенджамину Споку. Выплывая из первобытного супа “не помню, потому что не понимаю”, мы очень правильно воспринимали окружающий мир. Наши инкубаторы немного барахлили, так как (я знал еще тогда) в каждом из садиков “что-то” было не так. И везде, куда ходили родители - на работу, на праздники к друзьям, к врачам - и брали нас с собой, было что-то не так... Но не зная ничего более об обществе, я не мог определить, что это. Об этом позже...

А мы в своем маленьком мирке проходили инкубационный период, барахтаясь в невозможной к употреблению овсяной каше с воспитательницами-великанами (“на лицо ужасные, добрые внутри”). Процессы социализации остановились на уровне недоразвито эротических претензий-капризов, из-за которых мы впервые почувствовали на себе бич стыда и вины. А процессы самоидентификации коснулись только вопросов пола. Как ни странно, мы росли сексистами с детства, сексистами наизнанку - мы боялись собственного пола. Но исследование неизбежно. Почему девочка не может играть с парнями в футбол, а должна в куклы? Почему если парень слабее всех своих одноклассников - он “баба”, “маменькин сынок”? Почему вообще часть женских слов-обозначителей оказываются под табу как оскорбительные? Эти вопросы решились сами собой, когда наша общность распалась и система количественно увеличилась.

Мне сейчас не стыдно говорить “мы” за тех людей, которые входили в мою группу, садик. Мы тогда все были одинаковые. И всем хотелось в школу. Это была моя первая граница, которую я наблюдал.

О государстве, церкви и других социальных институтах мы понимали очень мало, но очень много внимали. Моя страна была “плодовитой”, “неповторимой”, “раем на земле”, что же, книги у меня были шикарные - на двух, а то и трех языках. Я проявлял к ним серьезный интерес, хотя не мало из них пострадало от моих рученок. Из них, из картинок и того, что мне отвечали на вопросы родители, я понял, что моя страна - Украина, очень большая и щедрая. Она мне представлялась, как моя детская врачиха, подруга родителей, которая спасла мне жизнь инъекцией анальгина, когда скорой уже не ждали, иначе я б сгорел с односторонней пневмонией. Большая, умная, улыбчивая женщина, у которой всегда было что-то вкусненькое. Но образ, как и человек, исчезли.

Остались лишь стихи о любви к моей земле, которые я читал с табуретки у своих родных, и их улыбки.

Церковь мы посещали редко, и, грубо говоря, она играла большую роль для нашей бабушки, чем для меня. Могли на Пасху поцеловать тело Господне, но я был таким добрым мирянином в свои 6-13 лет, так как другим быть не мог. Религия - часть культа потребительства в нашем небольшом городе. Ведь куда же одеть новый костюм и накрасится, как коммунд? Конечно, в церковь. Меня минула чаша сия. Мне книжки нравились. А в церкви ничего трогать было нельзя. И много людей плакало или стояло с каменными лицами. А тогда боль, даже старых людей, была непонятна и греховна. Именно, что греховна. Я видел одну старушку за 80, она была миссионеркой с Америки и занималась английским с моей мамой в группе с другими взрослыми. Она была сильная и в светлом уме, крепкая и озорная, будто я. И я уверовал в то, что буду не менее добрым, чем Одри. Но я не понимал, почему моя бабушка не такая. И наверное, просто принял это. Эту границу между ними. Людями, которые искали причины страдать и которые наотрез отказывались это делать.

Принимать и усмиряться я научился. Это достижение моих родителей, небогатых, добрых и рабочих инженеров. Я научился понимать лишение и то, чего они лишаются из-за нас с братом. В моей семье была беда, да не одна, но я всегда поражался, как смело эти люди справляются. И был у нас и котенок, и собака, и попугай, и рыбки. И я был счастлив.

Такова была функция детства. Бездонное небо Украины, маленький городок, отовсюду огороженный пшеничными полями, и такая связь тонкая между людьми, что вы не поверите мне, что это правда. Я много не знал, но многое чувствовал. До 1996 года, казалось, мои родители чего-то избежав, работали и страдали за нас. Я очень люблю свой город сейчас, но тогда он был каким-то отряхивающимся от сна в большой, омертвелой колыбели. Он также работал и страдал. И вот тогда, когда меня не взяли в школу в 5 лет, я решил, что на следующий год я стану "самым лучшим". Сначала для папы и мамы, а потом уже для всего мира. Буду все знать. И знаете, что случилось? Границы между понятиями благодарности и ответственности пошатнулись, я понял, что ответственность и наказание - не стоят даже и рядом. Я благодарил любовью и радовал успехами. Вот то, что я делал и приносил "пользу". Я считал, что все приносят пользу, потому что умные. И тогда я сказал: я тоже буду приносить пользу, буду добрым и умным.

Общество же встретило мои намерения враждебно, так как "умный" и "добрый" оказались антагонистами в моей среде. И потому что я был отвратителен со стороны. Утопист.

Часть 2. Попытка определить “кто я”

“...Единственный, кто поступал разумно, был мой портной. Он снимал с меня мерку заново каждый раз, когда видел меня, в то время как все остальные подходили ко мне со старыми мерками, ожидая, что я им буду соответствовать.”

Бернард Шоу, из высказываний.

Школа прошла на отлично, но без отличий. Серый книжный червь, который грызет книги и местами как-то своеобразно развлекается, ни для кого не был интересен в школе. Мы все поделились на группы по интересам (тогда пришло понимание “слоев” в обществе - даже таком элементарном), пробовали силы в борьбе за микро-лидерство, но особенностью моего окружения было то, что при всей почти что феодальной раздробленности, мы не были агрессивны. Мир, как состояние, был необходим всем, чтобы наш первобытный хаос существовал. Единственный лидер не принимался вообще. И мы, неуправляемые, организовывались лучше, чем любой другой класс с супер-классным куратором. Тогда я задумалась над этим. Самоорганизация масс.

Множество факторов влияло на тот момент на формирование личности. Требование родителей учиться на “отлично”, строгость отдельных учителей, сила и харизма других, отсутствие свободного времени и множество способов занять самого себя. Никогда, в общем, не было скучно. Но главным пределом для меня стал момент защиты своего первого научного труда. На месте этой работы могла быть и любая контрольная или какое-либо утверждение, на котором настаивает молодой ученик. Когда социальная система и ее молодой элемент входят в конфликт впервые, без защиты родителей, происходит “проверка на вшивость”. Тут всегда бинарный исход - либо ты успешно отстаиваешь (любыми методами), либо проигрываешь.

Тогда я успешно понял следующие постулаты-реалии своего государства, можно сказать, это была первая встреча лицом к лицу (так хотелось написать - “к морде”).

- Систему представит человек, и пока это так, система субъективна: ее ценности замещаются без укоров совести.
- Любой бюрократический аппарат стар и неэффективен. Из-за людей, похороненных в нем.
- Все процедуры - это ритуалы, которые являют собой акт перехода энергии.
- Право, закон, этика, мораль - это дисциплинирующие механизмы общества, которые существенно барахлят для тех, кто их пишет. И никто не собирается соблюдать и быть таким, как я.
- Идеалы не катят: знания приумножают печаль, умения приумножают ресурсы.

Эти милые банальности под шелест книг братьев Стругацких и с ужасом вычитанные до дыр “Сумерки Богов” существенно затормозили меня. Ответов не было, все сужался круг вопросов. Государство тупо внимало мне в лицах продавцов, кассиров, чиновников любых мастей, но оставалось безучастным. Поэтому все, что мне

оставалось, - это успокаивать взбудораженную совесть “хорошего” человека общественными работами в разных организациях. От экологической до тематики искусства. Общение с разными людьми привносило новые шаблоны восприятия моего окружения на разных уровнях, вплоть до глобального. Будучи “впереди планеты всей”, активистом и заводилой, легко потерять свои истинные цели и не пойти на поводу трендов, хотя мне это удалось по чистой случайности (читайте, совокупности лени и напыщенной оттопыренности от общества). Поэтому пришел момент, когда все начало подвергаться революции.

Революция - это хирургия, по-моему. Я помню Оранжевую революцию, понимал даже в те года, почему она началась и то, что “что-то” не так. Что скальпели все равно тупые, а народ так обезумел от нечистот власти, что это действует как сильная анестезия и что даже тупым скальпелям неистово поверят. И вот, короткий перечень моих умозаключений о моем народе и его управителях.

- Народ Украины не однообразен и не един, но в этом его скрытая сила.
- Народ Украины - по-своему европейский.
- Полигон для политической риторики (всегда пропаганды) - от истории УПА (Украинская повстанческая армия) и Второй Мировой до стиля жизни обычного гражданина. В общем, ничего странного, если бы не реализовалось так бездарно и бесстыдно.
- Начинают мертветь ткани и нарастать новые - соответственно, Коммунистическая партия и Партия Регионов, - в странном симбиозе раковой опухоли, которая перешла в стабильную стадию на тот момент.
- Патриотизм - это не национальная идея Украины.

Мне было катастрофически больно за людей. Искренних и наивных при всей серьезности их положения. Но по реализации разочарования в новых политических фигурах, все поняли с точностью до десятилетия, что это еще не конец. Никакой режим в Украине не смог утвердиться и не расслабится. Так как после выхода из анестезии революции, народ утопает в апатии и телесериалах.

Наблюдая за бытом, делаю два вывода - общество очень голодное (с преобладающими болезнями желудочно-кишечного тракта на большие религиозные и национальные праздники) и мужицкое (как слой общества и как преобладающая движущая сила, питаемая алкоголем и куревом). Мужики - это универсальный социальный пласт, в который входят разные люди от успешных гопников на районах до политиков и их кукловодов-олигархов. Свобода слова у этих людей - это определено свобода мата, женщины - как и раньше, либо сжечь на костре, либо подмять под себя, другие мужики - либо сильнее, либо слабее. Жесткая вертикальная иерархия. Патриархат с ужасающе тупым лицом и вечно голодными глазами. Что я наблюдал лично, так это то, что с этим “мужиком” внутри себя не справляются даже самые воспитанные и интеллигентные люди.

Почему эта грань так тонка? “Да потому что сил нет на это все смотреть!” - отвечает мужик с народа. Эти люди сильны от ужасающей своей слабости.

Попытка определить себя к подобным “мужикам” в конце периода подросткового и начала юношеского не удалась. Потому что “умный”. А драться, в общем, мама не пускала.

При всех противоречивых аргументах, которые я здесь вам навел, напоминаю, каким был мой класс. При отсутствии нормального руководителя, мы, разные и по интеллектуальному уровню, и по потребностям, интересам, научились самоорганизации. Это было мое достижение и достижение моей страны. И я вырос со своих утопических иллюзий свободы и демократии, превратив их в императив стройки новой жизни, существуя в том политической разбавленной баланде, которую пихали в нас паспортные столы, больницы и учебные заведения. Чтобы в один день не почувствовать “тошноты, которой не ведал Сартр” от своего же отражения в зеркале. Как известно, в моем лице - находится весь народ.

“Прочность цепи определяется прочностью самого слабого ее звена...”

Часть 3. После попытки определения “кто я”: свобода и социальная самоидентификация

*“Ты - это задача. Ни одного ученика вокруг...”
Франц Кафка.*

С каким горьким удовольствием, я говорю об этом теперь. С войной на руках и пролитой кровью собственных граждан. В голове, словно муха, звучит песенка с детства: “Шалтай-Болтай сидел на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне...” А как известно, именно непроизвольное является истинным.

Война и гражданское сопротивление (прошу отметить, что в моем понимании гражданское сопротивление было одно: народ сопротивлялся власти) вскрыли самые больные фурункулы Украины как страны и украинского народа, которые нарастали 23 года независимости, а то и дольше. Сделали максимально уязвимыми территорию, личность, личные права. Как ядовитые мухи, разносящие инфекцию, часть заграничных СМИ поливает вскрытые раны кислотой пропаганды и глубоко не правдивой риторикой. Что делать с этим теперь, интересно всем не вовлеченным в процесс. Во-первых, если уже так интересно, приехать и вовлечься, волонтеры нужны как воздух, это все давно поняли - не играет роли с России вы или Америки. Во-вторых, у нас нет выбора, пока жива идея В.В. Путина о войне с Украиной: только противостоять с наименьшими потерями. Мне это напоминает то, как играют со злым и капризным ребенком, который решил отомстить за недостаточное внимание и лупит со всей силы, а родители только морщатся. Не поймите меня превратно, но уровень нецивилизованности роскоши и

богатства и то, как этим распоряжаются, махая дубинами установок “Град” и танками над территорией моей страны, - означает лишь еще более глубокие проблемы наших соседей. Проблемы вырождения. Одних - что они стараются самоутвердиться экстенсивным путем, других - что они, пройдя европейский путь развития, не могут справиться с вышеупомянутым варваром. Проблемы есть везде, но вместе мы их можем решить.

На этом этапе моя свобода, как личная, так и в формате всего государства, определяется не только размахом моих рук, но скорее всего отсутствием рук, душащих мою шею. Социальная идентификация закончилась сама, путем бритвы Оккама и методом исключения, как у 18-летних парней перед мобилизацией. Давайте распишу позицию таких неплохих ребят, в общем-то, как я:

- Война, революция, убийство сотен людей, пропаганда, насилие, самопровозглашенные республики - такое случается. Этому нас научила история. И бывает стрессом только то, что оно происходит непосредственно около нас. Граница чувствительности к этим процессам - в том, сколько близких нам людей уже втянуты в них - не больше, не меньше. Прочая риторика все еще не впечатляет. Мне кажется, мы родились в благословенное время с прививками Керуака, Хаксли и Оурвела. А весь мир чаще говорит и пишет “катастрофа”, чем слово “мама”.
- Ненависть к абстракциям - опустошающая и бессмысленная, как и, впрочем, глупая риторика научных сотрудников и журналистов, жонглирующих понятиями и фактами. Дела и акции (как события) определяют не только людей, но и континенты.
- Мужчинам уже не место в политике. Женщинам еще рано в политику. Политику нужно отдать математикам и программистам.
- Расскажите мне о патриотизме в мультикультурной стране, который может решить ее проблемы. Да-да, потом еще раз расскажите.

И вновь, мысли возвращаются в детство, когда мой отец говорил: “Должна существовать одна религия с одним постулатом - жизнь человека священна.” Но до этого наши темные века еще должны пройти. Религия - также не ответ. А кисло-горькая хина.

Границы понятий, событий, слов, правды и вымысла, за которыми я наблюдаю, очень зыбки, и понимание того, что множество проблем с их определением лежит корнями в невежестве и неуважении к науке и собственному обучению, дают мне понять, что даже самые крутые мира сего - не более неучей. И их власть закончится вместе с ними или с их богатством. Прелестно работать и чувствовать плоды своей работы. Приятно смотреть на стройный текст, в котором ты, по-большому счету, никого не обидел и поэтому сказал много правды. Нам надоел весь мейнстрим. Мы создаем новое, непопулярное, но очень живучее.

И тем не менее, ничто по-большому счету не мешает мне, обычному украинцу, быть счастливым в такой несчастной стране. И это я называю храбростью. От Востока

до Запада в украинцев есть такая черта - даже в самые страшных ситуациях, рискуя остаться непонятым, быть умным и не озлобленным, отзывчивым к чужому горю, человеком. А это значит, что у всего мира есть надежда.

***P.S.** А на счет этого “чего-то”, что мне мешало всегда...
Так это был я.*